

Л. М. Артамонова

**Военнопленные армии Наполеона и русское провинциальное общество:
проблемы изучения повседневности, социальных отношений,
культурных контактов**

Анализ литературы по теме о положении военнопленных «Великой армии» в 1812–1814 гг. показал наличие заметных успехов в изучении вопросов взаимоотношения пленных с властью и населением, повседневности плена, быта, труда и досуга находившихся в плену, материальными и моральными тяготами их состояния, ходом адаптации к новым условиям жизни, различными сценариями судеб конкретных людей в плену и прошедших через плен. Есть надежда на успех в поисках новых источников по данной теме, в т. ч. об интеграции иностранных военнопленных, оставшихся в России, в российское общество и их последующей судьбы здесь.

Ключевые слова: историография истории России, Отечественная война 1812 г., социальная история, история повседневности, межкультурные контакты

Lyudmila M. Artamonova

**Pows of Napoleon's army and the Russian provincial society:
problems of studying everyday life, social relations and cultural contacts**

Analysis of the literature about prisoners of war in 1812–1814, former soldiers of «the Great Army», showed the significant progress in studying the relationship of prisoners with the government and the people, everyday life imprisonment, work and leisure those, who were in captivity, material and moral burdens of their state, the course of adaptation to the new conditions of life, the fate of the various scenarios of specific people, who were in captivity or had passed through captivity. There is hope for success in the search for new sources on the topic, including the integration of foreign prisoners of war, who remained in Russia, in Russian society and their subsequent fate here.

Keywords: historiography of the history of Russia, Patriotic War of 1812, social history, history of everyday life, intercultural contacts

В числе недостаточно изученных вопросов истории Отечественной войны 1812 г. остается положение военнопленных наполеоновской армии и отношение к ним со стороны русского общества. Хотя нельзя сказать, что они вовсе не освещались в отечественной науке, но на них обращали внимание вслед за современниками события лишь отдельные дореволюционные историки и краеведы¹. В круг же проблем, интересовавших советскую историческую науку, тема военнопленных Отечественной войны не входила. В качестве примера тому можно привести один из последних обобщающих историографических трудов, вышедших в 1990 г., где по интересующей нас теме были указаны лишь четыре статьи М. В. Любавина, В. Г. Сироткина, Б. С. Абалихина, А. В. Фадеева². В них эта тема затрагивалась при рассмотрении, как правило, более общих вопросов: итогов военных действий, оценке этнического состава и потерь наполеоновской армии, использования труда военнопленных или привлечения их на русскую службу. Собственно отношение населения российских территорий к побежденному противнику они не рассматривали.

Можно согласиться с общей оценкой состояния российской историографии по данному вопросу к исходу XX в., что количество источников по военнопленным, которые были введены в научный оборот, оставалось небольшим, а вновь найденные документы и работы, сделанные на их основе, ставили больше вопросов, чем давали ответов³. Однако появление спустя еще десятилетие в 2007 г. диссертации, претендующей на анализ новейшей историографии Отечественной войны 1812 г., но оставлявшей без внимания работы о положении пленных в России и отношении ее жителей к побежденному врагу, выглядело уже малообоснованно⁴. Дело в том, что на рубеже XX–XXI вв. сложилась новая историографическая ситуация, характеризующаяся отказом от прежней политической заданности и источниковой ограниченности, а также использованием достижений и приемов «новой социальной истории», локальной истории, истории повседневности, других современных методов. Эта ситуация привела к росту числа публикаций документов личного происхождения и материалов делопроизводства о положении военнопленных, подготовке ряда статей по данному

вопросу, и, наконец, к появлению серьезных обобщающих работ в виде докторских диссертаций, в которых затрагивалась интересующая нас тема, хотя сами эти диссертации тематически или хронологически шире ее. В одной из них А. Л. Самович рассмотрел общую политику дореволюционной России в отношении военнопленных, в т. ч. наполеоновской армии⁵. В другой С. В. Белоусов на материалах Среднего Поволжья изучал состояние провинциального общества России в связи с Отечественной войной 1812 г., включая появление во внутренних российских губерниях пленных и их положение⁶. С учетом кандидатской диссертации С. Н. Хомченко⁷, работ тех исследователей, которые рассматривают положение военнопленных среди других вопросов истории Отечественной войны 1812 г.⁸ и социальной истории России⁹, Поволжье и Приуралье оказались самым изученным в монографическом плане регионом специфического взаимодействия местного населения с побежденным врагом.

Схожие темы, но преимущественно связанные с территориями центральных, черноземных и северо-западных губерний России, составляют научные интересы таких известных исследователей темы, как В. А. Бессонов или Б. П. Миловидов¹⁰. Впрочем, они также касались пребывания военнопленных в Поволжье и взаимоотношений с местным населением¹¹, а свою диссертацию В. А. Бессонов защищал, как и другие уже упомянутые авторы, в Самаре¹². В Самаре же опубликованы на русском языке и статьи западноевропейских исследователей о пребывании в России французских и баварских пленных¹³. Положение военнопленных на Украине рассматривал С. В. Потрашков¹⁴.

«Провинциальный» акцент работ об оказавшихся в плену военнослужащих «Великой армии» объясняется, прежде всего, тем, что те этапировались и размещались не в столицах и их окрестностях, а в российской глубинке, преимущественно даже не в губернских, а в уездных городах. Отсюда вытекает особый интерес к данной теме именно со стороны ученых из региональных исследовательских центров (вузов, архивов, музеев).

Многие перечисленные выше авторы выступили одновременно в качестве публикаторов интересных источников, в основном записок бывших военнопленных. Ими же использованы и архивные материалы, в т. ч. провинциальных архивохранилищ, которые, по мнению все тех же авторов, несомненно, требуют более глубокого изучения на предмет поиска источников по Отечественной войне 1812 г. Это относится, прежде всего, к тем архивам, в которых были об-

наружены списки пленных со сведениями об их службе и о том, где и при каких обстоятельствах они попали в плен. Интерес к этим спискам неожиданно усилился в последнее время в связи с появлением запросов людей, считающих себя потомками военнопленных наполеоновской армии¹⁵.

В ряде случаев, что особо ценно, архивные данные оказались сопоставимы с источниками личного происхождения – записками и воспоминаниями участников событий как с той, так и с другой стороны. Например, записки И. А. Второва, исполнявшего в Самаре военных лет обязанности городничего и уездного предводителя дворянства¹⁶, о пребывании пленных из печально известной команды подполковника Языкова были дополнены, подтверждены и уточнены документами из Госархива Оренбургской области, бумагами канцелярии московского генерал-губернатора графа Ростопчина и публикациями материалов народного ополчения. Выглядевшие, на первый взгляд, несколько преувеличенными описания Второвым больных, голодных и униженных пленных нашли полное подтверждение в официальных отчетах, согласно которым по пути из Владимира через Самару в Оренбург погибли более 400 чел., т. е. свыше половины от общего числа находившихся в этой партии. Да и в конвойной команде, состоявшей из ратников владимирского ополчения, благодаря горе-командиру, потери составили 90 чел. умершими и 200 чел. больными¹⁷.

К сожалению, опыт исследований и источники по Поволжье и соседнему Приуралью остаются не всегда востребованными. Только что вышедшая статья, претендующая на современный историографический анализ изучения положения военнопленных из наполеоновской армии, основывается лишь на публикациях, вышедших в сборниках «Отечественная война 1812 г. Источники. Памятники. Проблемы» и «Наполеоновские войны. Битвы. Поля сражений. Мемориалы». В ней использован ограниченный круг авторов, оставлены без внимания многочисленные издания, осуществленные в поволжских и других городах, в т. ч. диссертационные и монографические работы А. И. Попова, С. В. Белоусова, В. П. Тотфалушина, А. Л. Самовича, иных исследователей этой темы¹⁸.

Наше обращение к современному состоянию вопроса о военнопленных и их взаимоотношениях с населением в местах содержания выглядит в сложившейся ситуации полезным. Интерес к истории регионов России в годы борьбы с наполеоновским нашествием, сложившаяся усилиями историков из разных городов прочная историографическая традиция, нако-

пленная ими в XIX–XXI вв. источниковая база позволяют сделать на имеющихся материалах ценные наблюдения и выводы об отношении в русском обществе, преимущественно провинциальном, к побежденному врагу – пленным военнослужащим наполеоновской армии.

Отметим кажущиеся наиболее важными и перспективными аспекты изучения этой темы. Некоторые из них затрагивались еще дореволюционными или советскими исследователями, другие стали подниматься в постсоветский период.

Наиболее полно описаны собственно военная, политическая и правовая стороны пребывания военнослужащих наполеоновской армии в русском плену. Достаточно точно реконструируется те причины и ситуация в ходе боевых действий, приведшие к появлению массы военнопленных. Можно считать вполне доказанным наличие законодательной и нормативной базы, на которой строились отношения властей и населения Российского государства с иностранными военнопленными в начале XIX в. В плену солдатам и офицерам противника безусловно гарантировались сохранение жизни, денежное, вещевое и продовольственное обеспечение с учетом занимаемого ранее служебного положения, предоставление медицинской помощи и т. д. Правда, никто не гарантировал сохранения жизни в сам момент пленения, особенно учитывая призывы верховной власти, военного командования и даже церкви к тотальному уничтожению врага, обращенные в 1812 г. не только к войскам, но и гражданскому населению. Опасным моментом для пленного могло стать этапирование, когда на русских дорогах он оставался без наблюдения и помощи, что фатально сказывалось на больных и раненых.

Степень соблюдения норм содержания пленных зависела от экономической ситуации в стране и месте содержания: финансового положения, условий жизни основной массы населения, транспортной инфраструктуры, состояния продовольственного снабжения и проч. Несмотря на все трудности военного времени, Россия выделяла на содержание военнопленных наполеоновской армии вполне достаточные средства.

На содержание пленных было назначено (в сутки): генералам – 3 руб., полковникам и подполковникам – 1 руб. 50 коп., майорам – 1 руб., обер-офицерам – 50 коп., унтер-офицерам, рядовым и нижним чинам – 5 коп.¹⁹ Сверх того им выдавался провиант как русским солдатам. Далеко не у каждого подданного русского царя имелись доходы и заработки на уровне того содержания, которое предоставлялось бывшим вражеским солдатам, а тем более офицерам.

Это содержание, как вспоминают сами пленные, «было более чем достаточно для удовлетворения всех насущных потребностей» с учетом дешевизны съестных и прочих товаров в России, которая удивляла их, особенно тех, кто оказался в небольших уездных городах. За удовлетворением насущных потребностей у обер-офицеров оставались деньги на чай и кофе, посещение питейных заведений. Фунт говядины в уездном Саранске стоил 10 коп., столько же стоил освежеванный заяц, фунт хлеба обходился в 5–6 коп., воз дров 45 коп. Впрочем, это было сопоставимо с ценами и в других городах России²⁰.

Установлено, что положение военнопленных различного социального статуса, сословного происхождения, этнической, конфессиональной и государственной принадлежности зависело от внутривойсковой и международной ситуации, складывавшейся в России и вокруг нее. Всегда сохранялся прагматический подход к военнопленным, который проявлялся в разных формах, в т. ч. в принудительном трудовом использовании нижних чинов, применении профессиональных знаний имевшихся среди пленных медицинских, технических и иных специалистов, формировании из числа пленных национальных антинаполеоновских воинских формирований, первоочередной репатриации подданных тех стран, которые выходили из зависимости от Франции и, тем более, устанавливали союзнические отношения Россией. Русский плен оказался в общем недолог. Даже собственно французские подданные были репатрированы практически сразу после окончания военных действий в 1814 г.

Становится очевидным, что, кроме объективных факторов, на положение пленных влияли, с одной стороны, временные и преходящие обстоятельства вплоть до межличностных отношений, а, с другой стороны, устойчивые ментальные особенности и культурные традиции. Россия в 19-м столетии следовала в целом обычаям европейских войн нового времени, согласно которым плен являлся не наказанием для врага, а способом изоляции от участия в боевых действиях военнослужащих противника, чем ослаблялась его военная мощь. Сам пленник являлся страдающей стороной, а потому заслуживал милосердия и снисхождения как в силу развития принципов гуманизма, так и следуя более древней национально-религиозной идее христианского отношения и сострадания даже к врагу, особенно поверженному и не представляющему более угрозы.

Здесь мы подходим к ключевому для нашей темы выводу. Конечно, в положении больших

масс военнопленных, доступных для статистических подсчетов и среднестатистических выводов, важную роль играла общая политическая, экономическая, социальная и психологическая атмосфера, окружавшая бывших воинов вражеской армии в России. Однако реальное положение отдельных групп военнопленных и просто конкретных людей в местах содержания, прежде всего, определялось их отношениями с местной властью и населением. Это был ключевой аспект, позволявший «узникам войны» выжить, получить приемлемые условия быта и жизнедеятельности, обрести нормальное психологическое состояние и душевное равновесие.

Из сложности реалий, далеких от умозрительных обобщений, вытекают вопросы, на которых часто спотыкаются и авторы рассматриваемых работ, и их читатели. Почему нельзя сделать однозначного вывода об отношении к пленникам всего русского общества и его отдельных групп? Почему в дворянстве (особенно среди дам) встречался и безудержный восторг от одного вида француза или немца, попавшего не по своей воле в русскую глубинку²¹ и почти патологическая ненависть со стороны людей, подобных подполковнику Языкову? Почему одни крестьяне брезговали и не пользовались более чашкой или ложкой, которые побывали в руках француза, а другие радушно и бесплатно давали пленным еду и растирали своими руками обмороженных, спасая от смерти и увечий? Почему одни горожане не могли удержаться при встрече с пленным, чтобы не оскорбить его, а другие дружелюбно приветствовали? Почему одним казалось, что русские относятся к пленным хуже, чем представители других народов Поволжья, а другие были растроганы доброжелательством русских, но ждали всяких неприятностей, например, от мордвы?

Ответ о сути этих расхождений надо искать и в более четких дефинициях отдельных групп российского общества, которые зачастую упускают исследователи, и в недостаточной критике источников, когда слова мемуариста принимаются как факт без анализа собственной личности, осведомленности, жизненной или политической позиции этого свидетеля из прошлого. На упоминавшемся круглом столе «Отечественная война 1812 г.: актуальные вопросы современной историографии» было отмечено, что опора исключительно на мемуарные источники таит опасность, вызывает необходимость серьезной источниковедческой критики каждого сочинения, как бы оно ни претендовало на роль беспристрастного взгляда очевидца²².

При анализе мемуаров и других источни-

ков надо оценивать не только нетерпимость большинства рядовых россиян к таким нравам иноземцев, как привычка к курению и поедание зайчатины, но и готовность самих пленных вписаться в иной быт. Рядовой солдат Циммерман из Ганновера отлично ладил (о чем и написал) не только с соплеменниками-немцами, живущими в России, но и с бузулукскими помещиками, развлекая их с дочками игрой на гитаре и флейте, и с местными крестьянами, для чего всего-то потребовалось из вежливости перекреститься на иконы и перед приемом пищи. А вот офицер Шерон даже после хлебосольного приема и обильного угощения в трех домах в течение одного дня, был возмущен тем, что при этом его никто не поприветствовал речами на французском языке, хотя им владели два (!) человека из присутствующих на этих приемах²³.

Упомянутый рядовой Циммерман при всем его интересе к русской жизни, несмотря ни на какие уговоры, в России не остался. Однако установлено значительное число пленных (в Поволжье – несколько сотен, по стране в целом – возможно, несколько тысяч), которые предпочли остаться в России, перейдя в русское подданство, а некоторые – и в православие. При этом значительное число пленных такой возможности не получило из-за позиции русского правительства, запретившего со временем такие переходы, чтобы не ссориться с прежними врагами и новыми союзниками из-за подданных-перебежчиков. Нет пока серьезных попыток объяснить это достаточно массовое явление и сопоставить его с утверждениями декабристов, повторяющимися в школьных и вузовских учебниках, что, побывав в Европе и увидев тамошнюю жизнь, победители из русской армии только и стали думать о революционном переходе в своей стране на западный образ жизни. В этой связи непонятно, что же тогда заставило отказываться от такой жизни и остаться совершенно добровольно в поволжских губерниях России по неполным официальным данным, подсчитанным С. Н. Хомченко, 1 генерала, 12 офицеров и ок. 440 нижних чинов, среди которых были французы, итальянцы, поляки, немцы, австрийцы, голландцы, венгры, хорваты, испанцы и другие из «двунадесяти языков» наполеоновского нашествия. Эти люди стали военнослужащими русской регулярной армии, казаками, врачами, учителями, мастеровыми, просто рядовыми крестьянами²⁴.

Через почти четверть века после войны, по данным на 1 января 1836 г., в Москве и Московской губернии из проживавших там

3329 иностранцев более 2,5 тыс. чел. являлись бывшими солдатами и офицерами Великой армии. Самыми многочисленными группами среди них были: 1) ремесленники, мастера и работники казенных промышленных предприятий, владельцы небольших мастерских; 2) гувернеры и камердинеры; 3) торговцы (хозяева лавок и приказчики). Последний французский ветеран 1812 г. умер в Саратове в 1894 (!) г., порабатав учителем французского языка (среди его учеников был Н. Г. Чернышевский) и фехтования, а затем став владельцем художественной мастерской²⁵.

Преподавательская деятельность военнопленных в качестве учителей иностранного языка стала общепринятой практикой. Правда, к качеству обучения со стороны тех из них, кто не имел надлежащего образования, имелись нарекания. Однако для работы в гимназиях, уездных училищах, пансионах требовались специальные свидетельства, которые выдавались после установленных законом экзаменов²⁶. Слабо подготовленные и сравнительно дешевые учителя доставались, прежде всего, небогатым дворянам, у которых не было возможности получить иных учителей вовсе. Люди более состоятельные имели выбор. Так, вполне обеспеченная помещица Е. А. Арсеньева, бабушка М. Ю. Лермонтова, предпочла для обучения мальчика в своем поволжском имении под Пензой в качестве француза-гувернера из пленных Жана Капе²⁷. Бывший военнослужащий «Великой армии» не заслужил никаких нареканий ни по поводу обучения, ни по человеческим качествам, а привязанность ученика к нему, при этом, не помешала созданию впоследствии шедевра русской военно-патриотической поэзии – стихотворения «Бородино».

Дальнейшая разработка вопросов интеграции иностранных военнопленных в российское общество и их последующей судьбы здесь – одно из возможных направлений будущих изысканий в рамках заявленной в нашей статье темы. Остаются еще не до конца решенными и другие вопросы взаимоотношения пленных с властью и населением. Эти вопросы касаются повседневности плена в 1812–1814 гг., быта, труда и досуга лиц, находившихся в плену, материальных и моральных аспектов их состояния, хода адаптации к новым условиям жизни, различных сценариев судеб конкретных людей в плену или прошедших через плен. Также есть надежда на успех в поисках новых источников по данной теме, интерес к которой, как нам представляется, со временем будет только усиливаться.

Примечания

¹ Кашин А. Г. Соликамск в 1812 г. и пленные французы // Перм. губ. вед. 1869. № 20–21; Апухтин В. Р. Формирование легионов из пленных французов, итальянцев и голландцев в г. Орле в 1812–1813 гг. М., 1913; Тамбовская губерния в 1812–1813 гг.: реф. и ст. членов Тамбов. уч. арх. комиссии с прил. док. Тамбов, 1915; и др.

² Абалихин Б. С., Дунаевский В. А. 1812 год на перекрестках мнений советских историков: 1917–1987. М., 1990. С. 181–182.

³ Иванов К. В. Система финансирования военнопленных 1812–1814 гг. // Отечественная война 1812 г.: источники, памятники, проблемы. Бородино, 1997. С. 198–207.

⁴ Агронов Л. И. Постсоветская российская историография Отечественной войны 1812 г.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2007.

⁵ Самович А. Л. Деятельность Российского государства в отношении иностранных военнопленных (XIX – начало XX в.): автореф. дис. ... д-ра ист. наук. М., 2011.

⁶ Белоусов С. В. Провинциальное общество и Отечественная война 1812 г.: на материалах Среднего Поволжья: дис. ... д-ра ист. наук. Самара, 2007.

⁷ Хомченко С. Н. Военнопленные армии Наполеона в Поволжье и Приуралье в 1812–1814 гг.: дис. ... канд. ист. наук. Самара, 2007.

⁸ Попов А. И. Великая армия в России: автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Самара, 2003; Тотфалушин В. П. Саратовский край и Наполеоновские войны: к 200-летию Отеч. войны 1812 г. Саратов, 2011.

⁹ Вишленкова Т. А. Французские военнопленные 1812 г. в Казанской губернии // Россия и Франция: XVIII–XX вв. М., 2000. Вып. 3. С. 119–131; Захарова М. Е. Отношение к пленным наполеоновской армии как характеристика культуры провинциального российского общества первой четверти XIX в. // Изв. Пенз. гос. пед. ун-та им. В. Г. Белинского. Гуманит. науки. 2011. № 23. С. 407–411.

¹⁰ Миловидов Б. П. Военнопленные наполеоновской армии в Псковской губернии в июле–октябре 1812 г. // Проблемы изучения истории Отечественной войны 1812 г. Саратов, 2002. С. 207–216; Его же. Военнопленные в Ярославской губернии в 1812–1814 гг. // Отечественная война 1812 г. и российская провинция в событиях, человеческих судьбах и музейных коллекциях. Малоярославец, 2003. С. 142–152; Его же. Военнопленные Великой армии в Тамбовской губернии в 1812–1813 гг. // Там же. Малоярославец, 2004.

¹¹ Бессонов В. А., Тотфалушин В. П. Военнопленные Великой армии в Саратовской губернии // Проблемы изучения истории Отечественной войны 1812 г. Саратов, 2002. С. 163–176; Миловидов Б. П., Хомченко С. Н. Военнопленные армии Наполеона в Пензенской губернии // Отечественная война 1812 г.: источники, памятники, проблемы. М., 2006. С. 261–288.

¹² Бессонов В. А. Военнопленные Великой армии

Л. М. Артамонова

1812 г. в России (по материалам Калужской губернии): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Самара, 2001.

¹³ Бокур Ф. Пленные великой армии Наполеона в России в 1812–1814 гг. // 185 лет Отечественной войне 1812 г.: сб. материалов междунар. конф. Самара, 1997. С. 47–60; Шмидт В. Судьба баварских военнопленных в России в 1812–1814 гг. // Там же. С. 78–91.

¹⁴ Потрашков С. В. Военнопленные Великой армии в Слободско-Украинской губернии // Отечественная война 1812 г.: источники, памятники, проблемы. Бородино, 1999. С. 143–149.

¹⁵ Отечественная война 1812 г.: актуал. вопр. соврем. историографии: материалы круглого стола // Французский ежегодник, 2011. М., 2012. С. 382.

¹⁶ Артамонова Л. М., Смирнов Ю. Н. Самара в последней четверти XVIII – первой половине XIX в. // История Самары: от воевод. управления до Губерн. Думы. Самара, 1911. Кн. 1. С. 100.

¹⁷ Де Пуле М. Ф. Отец и сын: опыт культ.-биограф. хроники // Рус. вестн. 1875. № 6. С. 506–508; Хомченко С. Н. Указ. соч. С. 95–97.

¹⁸ Прохоров М. В., Шубин Н. А. Современная отечественная историография о положении военнопленных французской армии в России в 1812 г. // Сервис в России

и за рубежом. 2012. Вып. 4 (31). URL: <http://rguts.ru> (дата обращения: 15.01.2013).

¹⁹ Захарова М. Е. Указ. соч. С. 408.

²⁰ Зоден Ф. Ю. Воспоминания вюртембергского офицера о его пребывании в плену в Пензенской губернии / публ., предисл., пер. и коммент. С. В. Белоусова. Пенза, 2006. С. 7, 13, 30, 45, 50–51.

²¹ В «Казанских известиях» в 1813 г. была опубликована эпиграмма недовольного поведением таких дам провинциального поэта: «Как в нынешнюю войну Успехи переменны: У Россов Галлы в полону, А ими Россиянки пленны!!!» (Цит. по: Вишленкова Т. А. Указ. соч. С. 127).

²² Отечественная война 1812 г.: актуал. вопр. совр. историографии. С. 378.

²³ Хомченко С. Н. Указ. соч. С. 141.

²⁴ Там же. С. 64–65.

²⁵ См.: Сироткин В. Г. Судьба пленных солдат и офицеров Великой Армии в России после Бородинского сражения // Отечественная война 1812 г.: источники, памятники, проблемы. Можайск, 2000. С. 246–265.

²⁶ Вишленкова Т. А. Указ. соч. С. 130–131; Артамонова Л. М. Пансион господина де Маке в Самаре // Самар. зем. сб. 2011. № 1. С. 60, 62.

²⁷ Захарова М. Е. Указ. соч. С. 410.